

Е. И. Дорошенко

КАК НЕ ПРЕВРАТИТЬ ТЕРАКТ В ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗРЫВ

Мини-руководство для журналистов по теме терроризма, экстремизма
и противодействия террору

Редактор: Е. Н. Давыдова. Научный консультант: С. А. Новрузов

Введение

О силе слова и не только: как новости создают историю

- ***Почему история начинается с новости: что такое нарративы и их роль в информационных кампаниях***

Термин «нарративы», как и другие «модные» слова, которые современные СМИ соотносят с подачей информации, – риторика, дискурс – пришел из языкознания. В своем изначальном, *филологическом*, смысле нарратив – это повествование, рассказ, история. Однако сейчас «нарратив» всё чаще употребляется в другом значении: истолкование, интерпретация, версия событий.

Нарративы – как приём – широко распространены в информационной среде. Они способны по-настоящему *заинтересовать* аудиторию, привлекая ее внимание эмоциональным зарядом, оригинальностью, расста-

новкой акцентов, упрощением (деление на «хороших-плохих», «своих-чужих», и т.д.). Так, мнение эксперта, становится «авторским» именно благодаря нарративу: личной интерпретации.

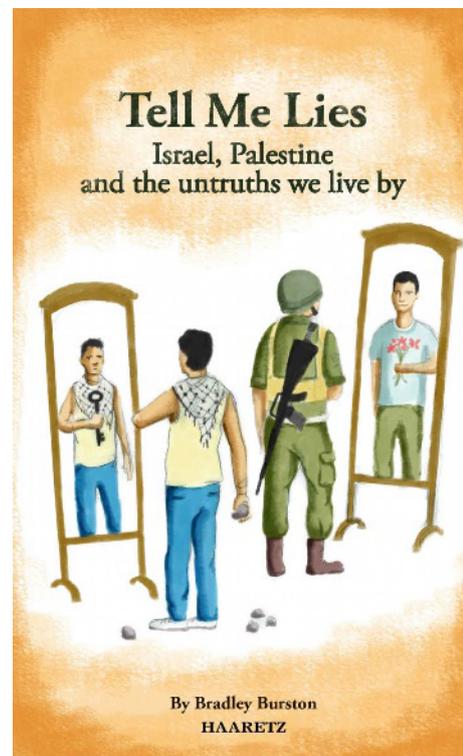
Основной недостаток нарративов – отсутствие нейтральности и объективности, что, например, хорошо демонстрирует известная фраза: «Кому – террорист, а кому – борец за свободу». И «террорист», и «борец за свободу» здесь – элементы нарратива с явной отрицательной и положительной окраской соответственно, однако всё, о чём они *объективно* сообщают, – это факт вооруженного противостояния.

Нарративы, сопровождающие конфликты, в том числе и военные, особенно хорошо заметны: каждая из сторон имеет собственную версию событий и заинтересована в доказательстве своей правоты, поэтому нередки случаи, когда при помощи нарративов создаются прямо противоположные картины происходяще-

го. Например, комментируя неоднозначный статус вооруженной сирийской оппозиции, журнал *Foreign Policy* опубликовал статью под заголовком: «В Сирии тот, кто для Москвы – террорист, для Вашингтона – борец за свободу» (“In Syria, Moscow’s Terrorist is Washington’s Freedom Fighter”)¹.

Другой классический* пример противоположных версий – нарративы палестино-израильского конфликта, отражающие не только его причины и «вину» каждой из сторон, но и то, как участники видят себя и оценивают свои действия в контексте противостояния.

*Этой теме посвящены многие научные работы, среди которых – «Израильские и палестинские нарративы конфликта: двойная спираль истории» (Israeli and Palestinian Narratives of Conflict: History’s Double Helix, ed. by Robert I. Rotberg, 2006) и «Израиль как идея» (The Idea of Israel, by Ilan Pappé, 2014)

*Рис.1 Обложка книги Брэдли Бёрстона
«Обмани меня: Израиль, Палестина и ложь,
которой мы живем»*

В информационную сферу конфликты переносятся в том виде, в котором их представляют участники. Нарратив конфликта возникает тогда, когда каждая сторона из всех реальных событий и аргументов выбирает только выгодные ей, интерпретирует их на свой вкус и выстраивает версию, подводящую читателя к «правильному» выводу. Это не значит, что приведенные сторонами аргументы ложны, или что упоминаемые события не имели места в действительности, однако и о нейтральности, непредвзятости и полной объективности говорить не приходится.

В итоге, если рассматривать каждую из версий конфликта по отдельности, то сложится впечатление, что обе стороны абсолютно правы, поэтому *нельзя судить о роли и реальной ответственности каждого из участников, опираясь только на их собственные интерпретации*. В то же время нарративы имеют свою социологическую ценность: они показательны в смысле существующих в обще-

стве настроений и свидетельствуют об эмоциональном потенциале конфликта (а значит, и его продолжительности). Нарративы позволяют выяснить, как каждая из сторон рассматривает своего противника (т.е., каким образом и какими средствами выстраивает образ врага), в чем его обвиняет, какие идеологические установки формируются в данном обществе и как раскрывается историческое значение событий.

Кроме того, нарративы являются движущей силой пропагандистских кампаний, предваряющих военные действия. Они могут использоваться, например, если возникает необходимость объяснить военное вмешательство: *«освобождение» страны от «диктатуры» и установление «демократии»* – благородная цель (и вместе с тем, предлог) для вторжения НАТО в Ирак и Ливию. Вместе с тем, демонизация правящих лидеров – в данном случае, Саддама Хуссейна и Муаммара Каддафи – по формуле *«выживший из ума кровожад-*

ный диктатор, истребляющий собственный народ» – ещё один нарратив, необходимый для «оправдания» действий.

Американские военные специалисты вообще придают силе слова особое значение: в 2006 г. термин «нарратив» был официально включен² в военную доктрину США, а в 2011 г. Агентство по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США (DARPA)** объявило об открытии программы по исследованию нарративов и оценке их влияния на психику человека. В описании программы, выразительно названной «Нарративные сети» (*Narrative Networks*), отмечается, что «нарративы способны усиливать функцию памяти, формировать эмоции, обнаруживать ... предвзятость в суждениях, а также влиять на межгрупповые различия»³.

** Упомянутое агентство, в частности, занималось претворением в жизнь проекта «всемирной паутины» – Интернета

Общая цель исследований – «понять, как нарративы влияют на познавательные способности человека и его поведение и применить полученные знания в ситуациях, связанных с международной безопасностью»⁴. Всё это подтверждает тот факт, что нарративы оказывают серьёзное информационно-психологическое воздействие на аудиторию и могут быть использованы в качестве способа влияния на общество. Иначе говоря, с силой слова действительно стоит считаться.

• *Нарративы и интернет*

Чтобы выжить и, по возможности, закрепиться в истории, нарративу требуется как можно более широкое распространение. Благодаря лингвистически обусловленной способности вызывать у людей интерес и доверие и преобладанию в информационном пространстве тот или иной нарратив с течением времени может превратиться в официально признанную «историческую» версию. Сейчас, благодаря

интернету, информация распространяется и тиражируется мгновенно, поэтому, теоретически, *любая интересная (но необязательно объективная) интерпретация событий может впоследствии стать официальной «историей»*. Об этой связи нарратива с историей говорили, например, советники Обамы в ходе событий «арабской весны» 2011г. в Египте, когда рекомендовали ему стать на «правильную сторону истории» и решительно подтолкнуть тогдашнего египетского президента, Хосни Мубарака, к уходу с поста «во имя демократии»⁵.

В информационном плане поиск «правильной стороны истории» неразрывно связан с вечным вопросом приоритетов: быстро вырастить искусственную сенсацию, или поставить во главу угла содержание? И в том, и в другом случае материал (вместе с нарративом) может быть увековечен и стать «признанной» версией – во многом благодаря современным интернет-инструментам, которые

многократно усиливают эффект любого сообщения.

Тем не менее, чтобы войти в историю с парадного входа, нужно помнить, что для формирования новой реальности – в буквальном смысле – силы слова бывает вполне достаточно. Главный вопрос в том, к чему будет призвать это слово, какую реальность формировать. Например, в «техническом» смысле нарративы террористов ИГ*** исключительно эффективны: это настоящая интернет-сенсация с точки зрения просмотров, «лайков» и других показателей качества в соцсетях. Однако очень немногие смогли бы выжить в таком мире, который создаёт – в том числе и вербально – ИГ, и доказательство тому – множество загубленных жизней и искалеченных судеб.

*** Здесь и далее речь идёт о запрещённой в России и ряде других государств международной террористической группировке «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ)

Глава 1

«Псевдохалифат» о себе и о мире: говорит и показывает ИГ

Глава 1

«Псевдохалифат» о себе и о мире: говорит и показывает ИГ

• *Какое «государство» строит ИГ: цели, методы и двойные стандарты*

Основная цель террористов ИГ – убедить весь мир в том, что они занимаются строительством настоящего государства, причем такого, в котором не осталось ни одной социальной проблемы, а все сферы жизни и деятельности общества регулируются якобы высшим, «божественным» законом. Другими словами, религиозная власть не отделяется от политической, акцент сделан на выстраивании чёткой иерархии, в рамках которой подчиненные беспрекословно повинуются лидеру («халифу»). Достичь идеального – во всех смыслах – существования планируется при помощи неких исходных, «чистых» законов, а всё, что в эти законы не укладывается, объявляется ересью, обречённой на погибель, и

потому в любом случае подлежит уничтожению. При этом масштаб этого «остального» совершенно не важен – будь то человек, народ, страна, или весь мир.

Следуя этим идеологическим установкам, террористы ИГ объясняют свои сомнительные успехи «правильностью» – *«праведностью»* – своих действий, игнорируя другие, более очевидные факторы: безвластие и правовой вакуум, установившийся на территориях Ирака, Сирии и Ливии после «арабской весны» и внешнего силового вмешательства во внутренние дела региона. Так они представляют себя посланными свыше «революционерами-реформаторами», конечная цель которых – достижение всеобщего благоденствия.

В глобальном информационном пространстве ИГ «прославились» кадрами варварских убийств, пыток и издевательств над мирным населением на оккупированных территориях, а также откровенными съемками те-

раков, совершаемых членами группировки по всему миру. Хотя тематическое наполнение пропагандистских кампаний ИГ гораздо шире и не ограничивается картинками кровавых расправ, именно средневековые казни стали его автографом, «брендом». С одной стороны эти видео нужны ИГ для достижения очевидных целей, стоящих перед любой террористической организацией: широкая известность, «узнаваемость», освещение и распространение идеологических установок, устрашение, и т.д. С другой стороны, ИГ таким образом *усиленно подчеркивает свою приверженность истинным «древним законам» и средневековым методам, скрывая при этом широкое использование современных технологий, которые на самом деле лежат в основе нового «государства».*

Свой «средневековый» псевдохалифат ИГ строит в полном соответствии с требованиями нового времени: нефтедобыча и торговля нефтью, современные средства передвиже-

ния и вооружения, цифровые технологии (в частности, связанные с организацией финансовых потоков), интернет, соцсети – без всего этого проект квазигосударства неосуществим.

Так, по данным CNN⁶, в 2014 г. – в период быстрого разрастания ИГ в Ираке и Сирии – торговля нефтью была основным источником дохода группировки. На захваченных территориях летом того же года производилось около 70 тыс. баррелей в день – пока что максимальный результат, достигнутый ИГ в его «лучшие времена». Осенью 2014 г. добыча нефти снизилась до 50 тыс. баррелей в день, что тем не менее принесло группировке общегодовой доход в размере 480 млн долларов – немалое состояние, которое вряд ли можно сколотить без единого гвоздя, особенно если учесть, что в древние времена нефть представляла ценность разве что для алхимиков.

Не менее интересен и выбор средств передвижения средневековых «рыцарей» ИГ:

предпочтение отдано пикапам «Тойота», причем это настолько бросалось в глаза мировой общественности, что Антитеррористический департамент Минфина США официально⁷ заинтересовался вопросом, откуда они у ИГ в таком количестве.

Интернет же вообще играл в жизни «халифата» особую роль с самого его сотворения. С одной стороны, «всемирная паутина» сама по себе олицетворяет глобальность, что прекрасно сочетается с идеологическим самопроецированием террористического «государства» на весь земной шар. С другой стороны, при помощи интернета ИГ решает вполне конкретные задачи: управляет финансовыми потоками (в том числе и при помощи криптовалюты – биткойнов⁸), организывает и проводит информационные кампании и занимается вербовкой.

Отдельная статья дохода ИГ – торговля древностями: как правило, это фрагменты разбитых статуй или экспонаты из разграбленных

музеев. Сами строители псевдохалифата объясняют свой вандализм вовсе не корыстными побуждениями, а стремлением к религиозной «чистоте» и установлению всё тех же «истинных» законов. На самом деле ИГ неплохо зарабатывает на разрушении «идолов»: годовой доход группировки только от торговли древностями в 2014 г. составил 100 млн долларов⁹, а в 2016 г., по оценкам российских экспертов, достигал уже 150-200 млн долларов¹⁰. Причём, как отмечает генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова, ИГ уничтожает памятники мировой культуры не только для того, чтобы покрыть свои «военные» расходы, но также и чтобы деморализовать несогласных и подорвать культурное разнообразие, т.е., фактически проводит «культурную зачистку» мирового масштаба¹¹.

Аутентичному «духу средневековья», таким образом, оставлена лишь внешняя сторона – одна из опорных тем пропаганды, обслуживающей псевдохалифат, а также его «зако-

ны», связанные с угнетением и уничтожением: рабство, пытки и казни. Печальнее всего то, что в жертву мифу о «непобедимом новом государстве, основанном на чистоте веры» демонстративно и цинично приносятся человеческие жизни. Кажется, что даже осколки ненавистных «идолов» – древних статуй, уничтоженных террористами, – имеют для ИГ гораздо большую цену, чем убитые люди.

• Информационный феномен ИГ: как работает сенсация нашего времени

Значение пропаганды в жизни нового «всемирного халифата» трудно переоценить. С одной стороны, любое уважающее себя государство (а ИГ считает себя именно таковым) должно уметь профессионально поведать миру свою историю, с другой – у ИГ, в отличие от настоящих государств, есть необходимость постоянно о себе заявлять. К тому же группировке нужен приток новых рекрутов, которые могли бы не только погибать на поле боя и устраивать теракты, но и поддерживать

нефтепроизводство и другие высокотехнологичные источники дохода в рабочем состоянии: специалисты в области нефтехимии, программисты, и т.д.

Однако кроме «внешней» аудитории у ИГ есть и «внутренняя»: пропаганда помогает «отцам-основателям» убеждать население захваченных территорий – да и самих себя – в жизнеспособности своего «халифата». Опасаясь восстаний и активного сопротивления со стороны местных жителей и стремясь сохранить миф о собственной непобедимости, в июне 2016 г. ИГ запретило спутниковое телевидение и даже занялось уничтожением «тарелок» – якобы во имя поддержания «чистоты нравов»¹².

Иная реальность, в которой ИГ продолжает своё победоносное расширение, несколько не страдая от авиаударов российских ВКС и сил коалиции, проникает и в школьную программу. В учебниках математики, например, ученикам предлагается решить такие задачи:

«Если у халифата 283000 львов, а у крестоносцев – 277000 солдат, то сколько героев составляют численное превосходство?»¹³. Еще пример: «У моджахеда 7 магазинов с 30 патронами в каждом. Сколько выстрелов он может сделать по неверным?»¹⁴. На уроках арабского языка ученикам нужно заполнить пропуски в предложении «Исламское государство ... и ...», где верным ответом будет «остается (существует) и расширяется» – известный лозунг группировки ¹⁵. Эти же два слова обыгрываются и в методичке по физкультуре для шестилетних детей¹⁶.

Рис.2 Страницка из учебника ИГ по математике

С «внешней» аудиторией ИГ общается, в основном, через соцсети и держит очень высокий темп: на начало 2015 г. только на Твиттере публиковалось до 200 тыс. сообщений в день¹⁷. Хотя эта цифра снижается – примерно за год было закрыто 125 тыс. твиттер-аккаунтов¹⁸ – остановить распространение пропаганды и полностью исключить «халифат» из информационного пространства невозможно.

ИГ упорно продолжает подавать себя как интернет-сенсацию, причем его стиль шокировать и запугивать общество трансляциями казней, к сожалению, был усвоен сторонниками во многих странах мира. Схема «убийство плюс интернет» – в сочетании с клятвами верности ИГ – периодически воспроизводится как членами группировки, так и теми, кто хочет к ней присоединиться (т.е., использует теракт в качестве «резюме» – как, например, стрелок в Орландо в июне 2016 г.). При этом неясно, где проходит грань¹⁹ между действиями террориста, исполняющего

приказ «халифа»²⁰, «волка-одиночки», решившего, что ИГ по достоинству оценит его деяние, и психически нездорового человека, не имеющего связей с группировкой, но совершившего преступление по тем же «лекалам» (теракт в Ницце в июле 2016 г.). Это, в свою очередь, позволяет ИГ брать на себя ответственность²¹ за то, в чём оно непосредственно не участвовало и расширять влияние, объединяя террористов далеко за пределами захваченных территорий и создавая проекции своего псевдохалифата по всему миру.

Активизацию ИГ в Европе и Америке эксперты увязывают с потерей территорий и давлением, которое на группировку оказывают как внешние, так и внутренние силы²². В то же время не исключено, что копирование методов убийства теми, кто с ИГ никак не связан, происходит под воздействием пропаганды «халифата», которая продолжает присутствовать в информационном пространстве. Главная причина «популярности» насилия в ин-

терпретации ИГ, возможно, заключается в наложении средневекового варварства на современную реальность, причем выполнено это наложение с расчётом на психологию восприятия интернет-пользователей. Другими словами, *это такое средневековое реалити-шоу с круглосуточной трансляцией в прямом эфире, имеющее свою аудиторию и помогающее ИГ навязывать всему миру идею о том, что «новый халифат» действительно существует.* При этом ИГ снова как бы не замечает, что, делая ставку на интернет и соцсети, оно в очередной раз поступает за-явленными принципами древней «чистоты» и «аутентичности».

• *Почему это не ислам*

Для привлечения сторонников и дальнейшего самоутверждения как «государства» ИГ, по мере необходимости, будет наполнять свои информационные кампании всё новыми темами и нарративами. *Базой идеологии ИГ, однако, останется его исходный нарратив с*

использованием понятий и терминологии ислама, выстроенный в соответствии с основной целью «архитекторов» псевдохалифата. Этот нарратив призван легитимизировать абсолютную власть «халифа» и при помощи манипулирования религиозно-этическими нормами ислама объяснить «волей Всевышнего» все преступления, творящиеся «во имя нового халифата».

Фактически, это означает (1) подбор «выгодных» цитат без учета контекста, (2) полное игнорирование тех положений, которые не соответствуют заданной цели, (3) намеренно буквальное (дословное) понимание священных мусульманских текстов и (4) акцент на внешнюю, ритуально-формальную сторону религиозных практик. Так, например, в пропагандистских журналах ИГ цитаты из Корана приводятся в качестве обоснований актов насилия и доказательств «справедливости» терактов, совершаемых группировкой в странах «крестоносцев».

По своему оформлению такие статьи напоминают новостные материалы (в основном, за счет фотографий, выполненных в стиле информагентств), и вместе с тем вызывают ассоциации с исламскими религиозными текстами (в английском варианте цитаты выделены при помощи квадратных скобок, многочисленные арабские вкрапления тщательно транслитерированы – с сохранением огласовок, а каждое упоминание Всевышнего и Пророка сопровождается традиционными формулами благословений). Если не брать в расчет фотографии – изображений людей в классическом суннитском тексте быть не должно – «буква» ислама здесь вроде бы сохраняется. Однако содержание таких статей полностью противоречит его духу: террористы представлены в образе «героев последних дней», а их преступления изображены как «подвиги», совершенные в ходе апокалиптической – финальной – битвы добра со злом.

Рис.3 Страница из журнала «Дабик»

Тактику избирательного использования ислама – т.е., когда это выгодно – ИГ применяет и в процессе вербовки: потенциальному рекруту, как правило, не особенно разбирающемуся в вопросах богословия, подробно излагают «религиозную» состоятельность нового «халифата» и тем самым мотивируют его бороться за «правое дело». Тот же принцип действует и в борьбе с несогласными: уничтожению подлежит любой человек (в том числе и мусульманин), который не следует идеологическим установкам ИГ.

В результате настоящая, *целостная* религия подменяется набором сомнительных «правил поведения», *отражающих* крайне ограниченное и жестокое мировоззрение террористов, для которых ислам – во всей его философской и духовной полноте – неудобен и неприемлем.

В свою очередь, для ислама агрессивное навязывание идеологии ИГ, её широкое распространение в интернете и СМИ опасно дегра-

дацией исходных смыслов, переосознанием основ и возникновением новых ассоциаций. Например, если в понятие «демократии» сейчас – ассоциативно – входят и бомбардировки, то «ислам» как бы предполагает неразрывную связь с «терроризмом». Более того, именно такая интерпретация, если с ней не бороться, *имеет потенциал для того, чтобы стать «официальной» версией*: опять-таки благодаря устойчивому присутствию и тиражированию в информационном пространстве и тому впечатлению, которое она производит на несведущих. Ведь по сути, при помощи своих нарративов ИГ создаёт сценарий, по которому должен жить весь мир: пишется бесконечная пьеса, в которой террористы играют роли праведников и мучеников. Круг действующих лиц и исполнителей расширяется с каждым завербованным, а жестокая и страшная игра в «государство» требует всё новых жертв.

К тому же, поскольку информация из интерне-

та никуда не исчезает – даже при тщательном удалении – потенциальные последователи смогут воспользоваться «архивом» пропаганды ИГ спустя десятилетия. Иначе говоря, нарративы ИГ переживут и саму группировку и, не исключено, могут стать идеологическими «чертежами» для следующей подобной террористической организации, которая захочет воспользоваться таким рецептом построения «идеального государства». Один из вариантов решения проблемы – сосредоточиться на предотвращении распространения террористических идей и создании качественных контр-нарративов, не уступающих проекту «халифата».

Le Parisien

La traque et la riposte

Tués parce qu'ils
aimaient la vie

Cahier spécial

■ Abdeslam Salah
suspecté d'être
le 3e terroriste

■ La France
intensifie ses
frappes en Syrie

■ L'arsenal
législatif
va être renforcé

■ La vie après
les attentats

Глава 2

**Как правильно говорить о том,
о чем невозможно молчать**

Глава 2

Как правильно говорить о том, о чем невозможно молчать

- **«Сказать нельзя умалчивать»:** где поставить запятую?

Теракт сам по себе – это событие и политическое, и информационное, поскольку он «только тогда может достигнуть своей цели, когда информация о нём становится достоянием широких масс»²³. Высокий градус насилия в информационной среде выгоден террористам: с одной стороны, это вызывает в обществе страх, с другой – привлекает потенциальных рекрутов, приучает их к жестокости и настраивает на то, что им придется видеть и совершать на территориях «халифата». Специалисты отмечают, что «”медиа-терроризм“ предназначается для порождения и стимуляции хаоса, разрушения социальной устойчивости, усиления атмосферы “парализующего пессимизма“, усиления обще-

ственной напряженности и конфликтности, нарушения нормального функционирования властных структур, подрыва доверия населения к действиям и намерениям власти»²⁴. В таких условиях основная идеологическая цель ИГ – построение нового «государства» – становится гораздо более достижимой. Соответственно, *основная задача СМИ должна заключаться в том, чтобы не способствовать легитимизации псевдохалифата и не предоставлять группировке «право голоса» вместе с теми возможностями, которыми не располагают её собственные информационные ресурсы.*

Однако нередки случаи, когда СМИ – и традиционные, и альтернативные – играют на руку террористам, ретранслируя их нарративы на широкую аудиторию. Это происходит как за счет показа *видео без купюр и обработки* (например, «зрелищного» теракта с участием смертника, или казни), так и за счет *вербального оформления сообщения* (комментарии,

прямое цитирование, и т.д.). С одной стороны, наблюдая за казнью заложников в трансляции ведущих телеканалов, зритель невольно становится не только свидетелем происходящего, но и участником, подсознательно примеряя на себя роль «палача» и/или «жертвы». К тому же, «сенсационный» теракт надолго «затеняет» другие события в информационном пространстве: возникает смысловой фон, контекст, в рамках которого интерпретируются и другие сообщения, с терактом никак не связанные. *В итоге получается, что широкое освещение действий террористов серьёзно влияет на то, как аудитории СМИ воспринимают реальность в целом, каким видят мир.*

С другой стороны, комментарии, сопровождающие кадры теракта, также производят сильный психологический эффект, поэтому с точки зрения восприятия они важны не меньше, чем изображение. «Сенсационные» формулировки в стиле «самый крупный и ужасный теракт в истории человечества» (в отношении событий 11 сентября 2001 г.), безусловно,

привлекают внимание и запоминаются. Но в то же время они и не вполне адекватны («самый крупный» – по каким параметрам? «самый ужасный» – по способу осуществления? «в истории всего человечества» или только США?), и способствуют распространению нарративов террористической организации (в данном случае, «Аль-Каиды»), навязывая аудитории миф о её «могуществе». Возможное решение – обрисовать масштабы теракта другим способом: «преступление, унесшее жизни тысяч человек», «атака террористов, сопоставимая с военными действиями», просто «крупный теракт» (но не «самый», или привести критерий сравнения). При этом в истории «всего человечества» совершались и гораздо более масштабные преступления, чем то, которое произошло 11 сентября 2001 г. (Холокост, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, мировые войны вообще). Наконец, трудно представить себе теракт, который – по умолчанию – не был бы «ужасным».

ИГ, со своей стороны, активно пользуется сочетанием образа («картинки») и вербального сопровождения («подписи») для усиления эффекта и создания идеологически выгодных новых смыслов. В пояснениях к фотографиям мёртвых детей, которые группировка часто публикует в своих журналах, говорится, что они – «жертвы тиранического режима еретика Асада», хотя никаких доказательств тому не приводится.

Прямое цитирование лидеров ИГ и/или их «пресс-секретарей» популярными СМИ, особенно дословная передача сообщений с призывом к действию, – ещё один распространённый вариант таких подписей. Так, со страниц солидного аналитического интернет-издания *The Diplomat* «спикер» ИГ призывает «волков-одиночек» совершать теракты по всему миру, т.е., за пределами подконтрольных группировке территорий: «Самое малое ваше действие в сердце их земель для нас дороже, чем самая крупная наша операция [здесь];

[оно] гораздо более эффективно и разрушительно...»²⁵. Катарская «Аль-Джазира» в своё время «прославилась» трансляциями видео с речами Бен-Ладена, однако вряд ли стоит повторять этот сомнительный успех, поскольку такая «сенсация» мало чем будет отличаться от прямой террористической пропаганды.

Нужно помнить, что в информационном пространстве – особенно в интернете – ИГ прилагает все усилия к тому, чтобы доказать «реальность» своего «халифата», поэтому *СМИ должны избегать создания таких контекстов, в которых это «государство» приобретает заявленный статус и легитимность. Другими словами, теракт – это преступление, а не новость об очередной «победе вечно расширяющегося халифата», а к сообщениям с «освобожденных территорий», где «ликующий народ приветствует своего халифа» следует относиться, мягко говоря, скептически и уж тем более не воспроизводить их в неизменном виде.*

Ещё одна проблема – исламские термины с искажённым значением в высказываниях членов ИГ. Типичный пример – призыв «халифа» Аль-Багдади к мусульманам во всём мире совершить «хиджру» на земли «истинного государства правоверных» и бороться с «кафирами» (неверными), став на путь «джихада». И то, и другое преподносится как «долг» и «обязательство», хотя ни «хиджра» (эмиграция на защищенные территории, движение – в том числе и духовное – от опасного к безопасному), ни «джихад» (прежде всего, духовная борьба, направленная на самосовершенствование) в своём исходном значении в ИГ не используются.

Кроме того, само ИГ не может претендовать²⁶ на статус «исламского» государства, где мусульмане чувствовали бы себя в безопасности, покинув «земли неверных». Своими действиями, среди которых и убийство самих мусульман, оно нарушает множество законов, составляющих суть ислама, не об-

ладает ни духовным, ни материальным потенциалом для воспроизведения созданного в 632 г. «исходного» халифата. Аль-Багдади и его сторонники, провозгласив себя «образцами праведности» и вооружившись фразами из священных текстов, пытаются искусственно выстроить сходство с древним халифатом, уводя при этом внимание аудитории от истинного содержания своих действий – устрашения, убийства и разрушения. Иначе говоря, если в своих выступлениях члены ИГ апеллируют к религии и цитируют Коран, это ещё не значит, что они – знатоки-исламоведы. Соответственно, *прежде, чем комментировать заявления группировки, или их воспроизводить (хотя бы частично), нужно разобраться с терминологией: проконсультироваться с представителями российского мусульманского духовенства, обратиться к словарям и справочникам, поискать информацию на официальных мусульманских сайтах.* Как правило, между первоначальным значением и тем, которое использует ИГ, обнаруживаются

существенные различия, поскольку террористы преследуют конкретные идеологические цели, т.е., им выгодно размывать смыслы и манипулировать понятиями.

Наконец, СМИ «помогают» террористам и в тех случаях, когда приводят некорректные формулировки при освещении «чувствительных» тем – конфликтных ситуаций, преступлений, и т.д.

Так, национальная и/или религиозная принадлежность часто противопоставляется профессии, роду деятельности:

- «...После этого *опера* задержали еще двух *таджиков*, которые днем делали ремонты квартир в городе Видное, а ночью грабили *таксистов*» («Обезврежена банда *таджиков*, грабившая *таксистов*» – МК, 27.05.2016)²⁷;

- «*Кавказцы* до смерти забили *студента* возле РУДН в Москве» (заголовок, Свободная

пресса, 08.12.2010)²⁸;

- «...Тем временем на свежем воздухе *мусульман* уже ждали *омоновцы*, защищенные бронежилетами и касками» («Ураза-байрам: взгляд изнутри» – МК, 05.07.2016)²⁹ .

Другой вариант противопоставлений – национальная и/или религиозная принадлежность против категории «человека», «людей»:

- «...Отмечается, что шестеро *молодых бородатых мусульман* пришли в центр и стали выкрикивать оскорбления в адрес купавшихся в бассейне *людей*, среди которых были *мужчины, женщины и дети*» («В Германии *бородатые мусульмане* угрожали расправой *голым людям* в бассейне» – Росбалт, 27.07.2016)³⁰;

- «...Несколько *мусульман* пригрозили *немецким женщинам* расправой после того, как увидели их обнажёнными в одном из открытых бассейнов» («В немецком Гельдерне

мусульмане пригрозили *женщинам* у бассейна расправой» – RT, 27.07.2016)³¹;

- «Трое *уроженцев Северного Кавказа*, которые участвовали в драке на Хованском кладбище в Москве, на машине насмерть сбили двух *человек* («Участовавшие в драке на Хованском *кавказцы* насмерть задавили двух *человек*» – LENTA.RU, 14.05.2016)³²;

- «Няня *мусульманка* отрезала голову *ребёнку*» (заголовок, – Главлист, 03.03.2016)³³;

- «...Мы видим то, что видим, – приехавшую из-за границы *мусульманку* в темном балахоне, кричащую, что она террористка, размахивающую отрезанной головой *русского ребенка* и обещающую всем скорую смерть» («Преступление “безумной няни” выглядит как акция устрашения» – Взгляд – 29.02.2016)³⁴;

Наконец, практически «чистое» противопоставление по национальному признаку:

- «*Маша Федорова*, которую юный *кавказец* несколько раз ударил по голове, потеряла сознание» («В Петербурге амнистирован подросток-дагестанец, который 1 сентября избил до смерти восьмиклассницу» – NEWSru – 26.03.2016)³⁵;

- «Я никогда не отдыхал в Турции. Даже и в голову не приходило — ведь *в Турции турки*. ...Но все таки отдых предполагает обстановку максимального комфорта, а максимально комфортно мне в окружении русских. Ну, *если уж и не русских, то хотя бы не турков*. («Родина за 200 евро: кому нож в спине не мешает лежать на турецком пляже» – РИА Новости – 07.07.2016, *орфография автора сохранена*)³⁶.

Такие противопоставления несут в себе нарратив разделения на «своих» и «чужих», придают «национальный» оттенок любому конфликту – получается, что все упомянутые преступления были совершены исключительно на национальной почве, хотя на

самом деле мотивы и причины могли быть совершенно иными. К сожалению, конструкции типа «футбольные фанаты напали на дагестанцев» и «сунниты, шииты и курды» стали настолько распространёнными, что на их нелепость уже перестали обращать внимание. Однако такие формулировки могут способствовать возникновению и разрастанию конфликтов, особенно если идеологи террористических организаций используют их в своих целях. Разобщённость, агрессия, негативный настрой в обществе – всё это создаёт условия для распространения установок террористической пропаганды («в халифате никто никого не угнетает»), облегчает вербовщикам ИГ поиск «обиженных» и, в конечном счёте, ведёт к увеличению числа террористов.

Таким образом, есть несколько очевидных способов не дать ИГ и другим подобным группировкам возможность действовать через СМИ:

1) Не воспроизводить видео терактов

полностью: по крайней мере, обходиться без сцен откровенного насилия и прочих образов, которые могут сильно повлиять на сознание аудитории. В идеале – постараться вычлнить «медийный», пропагандистский, компонент теракта, выгодный исполнителям, и не тиражировать его;

- 2) Внимательно относиться к вербальному оформлению – комментариям и цитатам: как уже отмечалось выше, слова имеют не меньшую силу, чем образы, а сочетание «картинок» и «подписей» может многократно усилить психологический эффект;*
- 3) Избегать прямого цитирования высказываний лидеров группировок и уделять особое внимание «исламской» терминологии в их интерпретации: почти наверняка приводимые «халифом» и сподвижниками понятия будут иметь искажённый смысл, поэтому особенно*

важно знать принятое в традиционном исламе толкование и понимать, каким образом ИГ использует данное конкретное слово в своих идеологических целях;

- 4) *Избегать очевидных ошибок при освещении «чувствительных» тем: межнациональных и межрелигиозных отношений, конфликтов, и т.д., стремиться не воспроизводить конструкции, безграмотные с точки зрения языка и неуместные с точки зрения характеристики ситуации в обществе.*

• И снова о политкорректности: называем вещи своими именами не в ущерб этике и смыслу

Вместе с тем, существует ряд случаев, когда ситуация не столь однозначна: например, необходимо решить, нужно ли подчеркивать псевдоисламский элемент в идеологии ИГ, говоря о террористах как «исламских радика-

лах/экстремистах», «исламистах», «салафитах», «ваххабитах» и «джихадистах». Другими словами, как правильно охарактеризовать террористов, не настроив при этом против себя мусульманские общины? Универсального рецепта нет, однако первый шаг к решению такой проблемы – попытаться поработать с тем, что уже известно.

С одной стороны, как уже говорилось ранее, в общественном сознании сложилась ассоциативная связь между «исламом» и «терроризмом»: достаточно вспомнить историю с британскими полицейскими, которым пришлось извиняться за очень неприятный инцидент. На учениях актёру, исполнявшему роль террориста, для «большей реалистичности» предписали выкрикнуть «Аллаху акбар» перед воображаемым взрывом³⁷. Понятно, что с точки зрения политкорректности это неприемлемо и подтверждает, что лишний раз усиливать параллель «ислам-терроризм» не следует.

С другой стороны, нужно учитывать, что многие «тематические» термины, вошедшие в активное употребление после терактов 11 сентября (такие как «исламский фундаментализм» и целый ряд других слов с «политическими» суффиксами –«изм» и -«ист») пришли к нам из англоязычных текстов, соответственно, их значение могло измениться при переводе. Более того, в исходные публицистические материалы эти термины попали из научной сферы. То есть, журналисты позаимствовали их у учёных и использовали для того, чтобы наметить сходство между идеологией современных группировок и древними исламскими и околоисламскими философскими течениями, однако в результате вместо «подобия» возник знак равенства.

Похожее произошло и со словом «шахид». В наиболее распространённом понимании сейчас это – «террорист-смертник», хотя с арабского это слово переводится как «свидетель» и в традиционном исламе употребляется в

отношении погибших в бою за родную страну, при самообороне, или жертв эпидемий. При этом в информационном пространстве доминирует именно искажённое значение: СМИ дают такие неологизмы как «шахид-мобиль»³⁸ и формулировки типа «мужчина-шахид пытался ограбить банк...»³⁹ и «...возле консульства США взорвался шахид»⁴⁰ (*неодушевлённый предмет, по аналогии с «взорвался снаряд»*). Всё это указывает на то, что в СМИ слово пришло по следам терактов, а значит, опосредованно было заимствовано из террористической идеологии, где «шахид» –это мститель, действия которого, даже самые жестокие, якобы predeterminedены свыше. В итоге в массовом сознании происходит подмена понятий: вместо «защитника Родины» возникает образ убийцы-террориста – страшного и беспощадного, «как сама судьба – оружие Аллаха». Элемент этой надуманной predeterminedенности, неотвратимости используется террористами для большего устрашения и усиления «значимости» теракта. При этом

параллель между исламом и терроризмом в очередной раз усиливается.

Возможное решение проблемы – избегать употребления «исламской» лексики (как арабских заимствований, так и «политической» терминологии) в сообщениях о терактах и обо всём, что связано с деятельностью ИГ и других террористических организаций. На этом настаивают мусульмане во всём мире⁴¹, что совершенно справедливо хотя бы потому, что в случае с ИГ речь идёт об идеологии, а не о религии. Фактически, словосочетания типа «исламский терроризм» безграмотны и противоречивы, поскольку составлены из взаимоисключающих понятий: суть терроризма как явления в корне противоречит моральным нормам, заложенным в исламе. Тем не менее, в СМИ такие формулировки очень распространены – «исламский» элемент возникает и в таких конструкциях, где без него вполне можно обойтись, причём периодически их озвучивают эксперты:

- «...из-за того, что здесь, в Европе, настолько развит *исламский терроризм*, о националистическом терроризме, о нацистах, которые тоже, видимо, организованы, как-то позабыли» («”Из-за развития *исламского терроризма* позабыли о националистическом”» - интервью с известным политологом А. Раром, Коммерсант, 22.07.2016)⁴²;

- «Региональные власти оказались неспособными оценить масштабы *исламского радикализма*» («*Исламский терроризм* в современном Татарстане: ваххабизм на практике» – АПН, 25.07.2012)⁴³;

- «*Исламские экстремисты* взорвали мечеть XVI века на юго-западе Йемена, сообщают местные власти» («Мечеть XVI века взорвали в Йемене» – Взгляд, 01.08.2016)⁴⁴;

- «...Запад долгое время не замечал, что среди противников Асада ключевую роль играют *безжалостные суннитские фундаменталисты* из “Исламского государства”...»

(«Путин может просто снимать сливки» – Иносми, 09.08.2016)⁴⁵;

– «То, что сейчас ИГ головы отрезают, заживо сжигают, это действительно есть. Но никто не пытается понять, откуда этот *рецидив раннего ислама* появился» («ИГИЛ создан для раскола ислама и усиления позиций западных стран – эксперты» – из интервью с Булатом Султановым, директором казахстанского Исследовательского института международного и регионального сотрудничества, 365info.kz, 04.03.2015)⁴⁶.

И, конечно, отдельный вопрос – это дискуссия вокруг выбора «правильного» названия для ИГ: «Исламское государство», ИГИЛ, ДАИШ или как-то ещё, поскольку эту организацию никак нельзя считать «государством» и тем более «исламским». О том, чем в этой ситуации руководствуются западные СМИ, пишет *The Atlantic*: «“У нас очень простая политика. Мы используем те имена и названия, которые люди и организации сами для себя

выбирают, и затем стараемся поместить их в контекст“, – отмечает Майкл Слакман, международный редактор *The New York Times*..., поясняя, почему его издание называет группировку “Исламское государство”. (Одни англоязычные новостные ресурсы добавляют к “Исламскому государству” ... такие определения, как *самопровозглашенное*, или просто прибавляют слово группировка, а другие обходятся более-менее нейтральными сокращениями – ИГИЛ или ИГ. *The Atlantic* попеременно использует “Исламское государство” и “ИГ”))⁴⁷.

Комментируя эту проблему, лауреат Нобелевской премии по литературе драматург Воле Шойинка подчёркивает, что силу слова «нельзя недооценивать: “Язык входит в арсенал сопротивления. Отторжение [навязываемых] врагом целей – это важнейший элемент механизма защиты для тех, кто подвергается нападению. Самооценка агрессора начисто уничтожается всякий раз, когда его

наглые притязания отвергают, опровергают и открыто высмеивают”. Сегодняшний агрессор ничего общего с исламом не имеет. Его правильнее было бы назвать “антиисламским синдикатом убийц”, чьё существование не признаётся, а деятельность не одобряется ни одним из ныне существующих мусульманских государств.

...Этот враг также и не “государство”. Это скорее “группировка садистов, извращенцев и раскольников, которые развлекаются тем, что дестабилизируют государства – настоящие государства – и уничтожают народы, как, например, езидов в Ираке... При этом мы упорно настаиваем на том, чтобы уважительно называть их “государством”... Живущие на [оккупированных «халифатом» территориях в Сирии и Ираке] лишены возможности выбора. Они вынуждены называть [членов группировки] так, как те называют себя сами. А весь остальной мир?” Сделав это название “легальным”, СМИ стали соучастниками актов “безграничного насилия”»⁴⁸.

Хотя с подобной аргументацией трудно не согласиться, реальных альтернатив лингвистически устоявшимся, прижившимся в языке (и русском, и английском) «ИГ» и «ИГИЛ» не предлагается. Возможно, «ДАИШ» хорошо срабатывает в арабском, где считается словом уничижительным⁴⁹, однако для русского языка это не самый благозвучный вариант. То же относится и к «САКИиС» – «Сепаратисты “Аль-Каиды” в Ираке и Сирии» – название, которое утвердил авторитетный Египетский совет по фетвам Дар-уль-Ифта⁵⁰. Таким образом, в отдельных случаях компромиссы со смыслом неизбежны. *Невозможно полностью исключить привычные (хотя и не всегда политкорректные) формулировки, однако нужно стремиться максимально грамотно использовать терминологию и обходиться без двусмысленных контекстов.*

Вот несколько рекомендаций от известного британского антитеррористического аналитического центра *Quilliam*⁵¹:

Формулировка	Проблема	Альтернатива
«исламский/мусульманский мир»	потенциал для противопоставления с «западным» миром – поляризация	«мусульмане во всем мире», «мусульмане во всех странах мира», «страны с преимущественно мусульманским населением»
«мусульманские страны»	в определённом контексте может отражать выгодное ИГ деление на «правоверных» и «неверных»	«страны, где мусульмане составляют большинство населения», «страны с преимущественно мусульманским населением», «страны, традиционно исповедующие ислам»

Формулировка	Проблема	Альтернатива
«исламские нормы/законы»	может быть интерпретировано как «единые политические и правовые нормы/ требования, разделяемые всеми мусульманами», т.е., единая религиозно-политическая повестка дня, которой в действительности не существует	«интерпретация шариата как государственного права», «их версия шариата как основного закона» (подчеркиваем, что радикалы – как и правительства таких стран, как Саудовская Аравия – в качестве «Конституции» используют не собственно «исламский закон», а свою собственную, зачастую противоречивую, версию шариата)
«исламофобия»	многозначность термина: может пониматься как аналог «расизма», «антисемитизма», или же использоваться как обвинение в отношении тех, кто критически относится к исламу как учению	«предубеждение/ненависть по отношению к мусульманам»

Опять-таки, это не значит, что все без исключения «тематические» термины нужно обходить или заменять, особенно если слово прижилось в языке (ИГИЛ – «игиловцы», но никак не «даишевцы»): *может получиться так, что все силы будут потрачены на поиск какого-то совсем экзотического варианта, а в итоге аудитория просто не поймёт, о чём речь*. Вполне достаточно будет грамотно употребить слово, зная его истинное значение, историю появления в языке и имея представление о том, как оно может быть интерпретировано. Всё это поможет избежать двусмысленности, а значит, и таких контекстов, в которых могут проявиться выгодные террористам оттенки значения.

• **Рекомендации**

- Помнить, что слово обладает вполне реальной силой, способной не только «определить» историю на многие десятилетия вперёд (доминирующие нарративы), но и влиять на ход любых противостояний – как информа-

ционных, так и вооружённых, от локального конфликта до полномасштабной войны;

- Не стремиться быстро вырастить искусственную сенсацию, а определиться с тем, как использовать силу слова и информационные инструменты во благо – в том числе анализировать и заимствовать существующие технически эффективные решения, обязательно придавая им позитивный смысловой вектор;

- Чтобы противостоять информационной «сенсации» нашего времени – пропагандистским кампаниям ИГ – нужно стремиться предотвращать распространение террористических идей в информационной среде (как в интернете, так и в традиционных СМИ). Поскольку тактика блокирования экстремистских аккаунтов в соцсетях не всегда даёт желаемый результат, гораздо более эффективный способ – создавать контр-нарративы, опровергающие основной нарратив ИГ о построении «идеального» государства в соответствии с «высшими духовными законами»;

- Опровержение нарратива ИГ может строиться на выявлении и освещении многочисленных противоречий, содержащихся в идеологии «проекта халифата»: в частности, современные технологии и источники дохода, которые никак не укладываются в концепцию средневекового «исламского» государства;

- Чётко понимать роль «исламского» элемента в идеологии ИГ: прежде всего, помнить, что это не ислам (во всей своей полноте он ИГ просто невыгоден), соответственно, то, что ИГ совершает «*во имя*» ислама – в лучшем случае, манипуляция его понятиями и нормами, намеренное искажение его основ;

- Не превращать теракт в информационный взрыв. Пристальное внимание СМИ – на руку террористам, стремящимся как можно шире распространить свои идеологические установки и как можно сильнее запугать общество, поэтому нужно очень внимательно относиться как к видеоматериалам с места события, так и комментариям, поясняющим

происходящее;

- Не создавать контексты, в которых «халифат» ИГ приобретает легитимность: избегать прямого цитирования лидеров группировки и уделять особое внимание «исламской» терминологии в их интерпретации, т.к. исходные исламские понятия они подменяют собственными идеологическими установками, провозглашая себя при этом «знатоками ислама» и «защитниками истинной веры»;

- Помнить о том, что идеологи террористических группировок используют любую возможность для дестабилизации общества, в том числе и безграмотные формулировки, в которых «мусульмане» и «таджики» противопоставляются «людям», а «турки» – «русским»;

- Не стремиться наполнить тексты «исламскими» определениями террористов («исламские радикалы/экстремисты», «салафиты», «джихадисты», и т.п.): учитывать, что

исходное значение этих терминов может не совпадать с тем, к которому все привыкли, и что через некорректное употребление таких слов как «шахид» на общество могут опосредованно транслироваться террористические нарративы;

- Политкорректность требует избегать объединения темы ислама с темой терроризма, что вполне обоснованно: ислам и терроризм несовместимы, поэтому не следует укреплять ассоциации «ислам-терроризм» в общественном сознании. Вместе с тем не стоит тратить все усилия на поиск обходных путей или изобретение экзотических вариантов для уже существующих, лингвистически приемлемых названий типа «ИГ». Достаточно грамотно употребить тот или иной термин, зная особенности его появления в языке и возможные проблемы со значением и интерпретацией в контексте: это поможет избежать двусмысленности и создания выгодных террористам контекстов;

- Зная о «проблемных» формулировках, стараться находить удачные альтернативы. Информационное противодействие терроризму (и ИГ в частности) – процесс не только ответственный, но и творческий.

Заключение

Эффективное противостояние терроризму и экстремизму не ограничивается силовыми методами. Хотя на военном фронте одерживаются всё новые победы, у специалистов возникают опасения⁵², что террористы будут чаще прибегать к нестандартным тактикам, направленным на поражение и устрашение как можно большего числа людей (теракт в Ницце 14.07.2016). «Волки-одиночки» и психически неуравновешенные люди продолжают воспроизводить заданную ИГ схему терактов, а значит, привлекательность нарративов и идеологии группировки не снижается. Можно предположить, что, стремясь компенсировать свои провалы на военном фронте, ИГ будет создавать и навязывать картину «гонений за правду», продолжать эксплуатировать извращённый образ «шахидов» как террористов-смертников.

Для преодоления этой проблемы необходимы совместные усилия силовых структур, гражд-

данского общества и СМИ. Именно поэтому журналистам важно делать осознанный выбор в пользу формулировок и распространяемой информации, особенно в условиях текущей информационной войны. Нужно помнить, что по силе воздействия слово сравнимо с мощным оружием, которое важно использовать правильно, руководствуясь тем же принципом, что и в медицине: «не навреди».